

Почти сто лет Россия без царя
Болтается по морю-океану.
В каком порту ей бросить якоря,
Известно одному лишь Капитану.

* * *

*Мой городок прилюдно одичал,
Моя деревня в шаге от трясины.
И терпит стихотворную печаль
Бумага из Иудиной осины.
Ждут правнуки Бояновой струны
Признания Кремля и академий.
Как будто жизнь и творчество даны
Для оправдания их премий.
Награды хлещут, будто из ведра
На нашу бессловесную словесность.
А где она, поэзия добра,
Что исподволь обожествляет местность.
Талант святой не ищет золотой
На шумный бал зоила и эстета.
Поэт не соглашается с толпой,
Которая не слушает поэта.*

.....
*Я с малых лет привык дразнить гусей —
Нормальная для лирика манера.
Спасён был цесаревич Алексей
Под шапкой-невидимкою премьера.*
.....

*Сей образ так или иначе свят
Для русского народа и Синода.
Шумела, будто Гефсиманский сад,
Россия восемнадцатого года.
Божественно красивая страна,
Где много значат тайные каноны.
Тут вера из горчичного зерна
Произрастает от корней до кроны.
А кто в подвал истории попал
Ипатьевского взорванного дома,
Чьи души отодвинул трибунал
От запредельного аэродрома?
Не буду делать ссылок на послов
И русских обречённых адмиралов.
Достаточно уж сказано тут слов
Вождей цветных и серых кардиналов.
Я вынужден, как многие, твердить
О кровной связи неба и чертога.
Ну не могла держава победить
Без явного помазанника Бога.
Конечно, есть народ, как есть и чернь
Среди низов, да и среди дворянства.
Она, как самый ненасытный червь,
Подтачивает душу государства.
Грядущая эпоха или блажь
Гуляет нервной дрожью по эфиру.
Престол, что вышел якобы в тираж,
Вновь искушает русскую Пальмиру.
Вдруг объявились пришлые цари
Со всякими своими орденами.
Предчувствую уж, что ни говори,
Дыханье зарождающейся драмы.
А на пути абрек и злобный пан,
И враг, которого ещё не знаешь.
И целится из-за сирийских пальм
В родную «сушку» бородатый «даши».*

* * *

*С годами я не жалею кладбищ,
Довольствуясь премудростями света.
Хотя когда-то мраморная тишь
Заманивала тайнами поэта.
Я кланялся великим именам,
Оплаканным родами и хорами.
Среди крестов сам крестиком, как храм,
Поблёскивал меж тонкими мирами.*

Васильевский был как оживший склеп
В полуночи повторной катастрофы.
Везде чернели, как тогдашний хлеб,
Горбушками разломанные строфы.
Всё было выпуклым, как у косух
Блестящие железные заклёпки.
И будто чёртик, жареный петух
Выскакивал из штатовской коробки.

* * *

В кустах кресты виднелись без затей
Над прахом Николая и Матроны.
Ужель в число косыгинских детей
Вписала власть наследника короны.
Такое имя, а вокруг бурьян;
На холмиках оплывших тень сомнений.
Как мог из офабриченных крестьян
Явиться государственный тот гений.
Да много ль токарей* нашли приют
Среди гранита, мрамора и злата.
И в час заветный понеслись на суд
Под ручку ангелов из вертограда.

* * *

Приветливый, родной, по-царски прост –
Слышал в одном селе от поварихи,
Его грибами потчевавшей в пост
В покоях оскоромленной Барвихи.
Ножей и вилок звонких череда,
Без вензелей незнатная посуда.
Там сельская простецкая еда
В изысканные превращалась блюда.
Он лично стряпал под коньяк уху
Из карасей и курицы – конфетка!
С обслугой в волейбол на берегу
Играл, да так, что пригибалась сетка.
Текла ли в нём романовская кровь,
Имевшая особые приметы,
Узнать бы у кремлёвских докторов,
Да кто же мне поведаёт секреты.
Премьера видел в доме на Тверской,
Где тесные кричащие *каморы*.
Войдя, он поприветствовал рукой
Народ, забредший на переговоры.
Был в нём совсем не стольный жест,
А шарм московского провинциала.
Хотя в руке державной жезл
Сжимал он из звенящего металла.

* Николай Ильич Косыгин был токарем высокой квалификации на Ленинградском заводе имени Карла Маркса.

Косыгин, шла молва, ступал один
По звонкому Норильску, как червонцу.
И Комитет, пугаясь до седин,
Молился утухающему солнцу.
Империя стояла за спиной
У нас, и каждый мог в неё лишь верить.
И был ли не богоугодным строй,
Где окормлял народы цесаревич.
Он называл, встречая, работяг
Ребятами – ну чуть не ребяташки.
И за премьерера в гоготе общаг
Выстреливались тосты, как из пушки.
Под Брянском так же величал солдат
Царь-батюшка, на фронт их отправляя.
С *телятника* горланили те в лад,
Небритого увидев Николая.
Позавчерашний рекрут, сам крючок,
Так искренне под стопку жал плечами.
Мол, как же мог простенький мужичок
Тягаться с мировыми силачами.
Другое время шлялось во дворе,
Когда все были как бы генералы,
Пред коими в райкомовском каре
Раз в год стояли сытые амбалы.
А в общем, тот же многоликий люд,
Привыкший жить условностями долга,
Любил деньгою окроплённый труд
И по возможности душевной – Бога.

* * *

На кладбище полно святых имён,
Седьмым ниспосланных России небом.
Герой не может быть не окрылён
Вином холодным и горячим хлебом.
Поодаль Ксеньи Петербуржской лик
Сиял над усыпальницей Смоленской.
И Патриарх, как неземной старик,
Пел в здешнем храме с благостью вселенской.
Тут вспоминали немца* тополя,
Что русским был во всех своих девизах.
На романтического короля
Гадали Лалы в разноцветных ризах.

* * *

Конечно, у погостов свой изъян,
Как и своя бессмертная долина.
Тут обитает главная из нянь –
Волшебная рассказчица Арина.

* Поэт Александр Блок, создавший гениальных «Скифов» и «Двенадцать», был потомком обрусевших немцев. Его прах со Смоленского кладбища перенесён на Литераторские Мостки.

Родная Родионовна, шепни
Мне хоть одну заветную быличку.
В кануны полнолуния есть дни,
Когда вступают души в перекличку.
Коль хочешь, принесу тебе вина;
Ты с кружкой рассядешься, как сваха.
Хочу спросить – опять моя страна
Надеть готова шапку Мономаха?
Что думает о троне Александр:
В России он по-прежнему в фаворе.
Тут без него скучает Летний сад,
Роняя слёзы розовые в море.
Поэт – он как духовный государь,
Сверкающий звездой патриарха.
Народный освящает календарь
Заветами и бога, и аллаха.
Его непостижимая строка,
Впечатанная в книжные скрижали,
По-своему в народной ДНК
Закручивает генные спирали.
Санкт-Петербург на пушкинский словарь
Так положил имперские аз-буки,
Что с кладбища в гробу сбежал Кобзарь
На чудный Днепр, от зависти и скуки*.
Тут жизнь и смерть не для его стила;
На русский лад ковали в век Тараса
Коренникам хохлацким удила,
Подковы и ободья тарантаса.
Ковали Украине тот кожух,
Что был столь лет бронёй и маскхалатом.
Но потащили трое повитух
На выкидыш страну под автоматом.
И бросили собакам диким плод,
Чтоб корчилась болезная держава.
И закричала про московский гнёт
Оставшаяся от хазар орава.
Я не забуду, как советский строй
Кляла приросшая к бандитам баба,
Стоявшая кудрявою горой
За русского базарного бастарда.
Со многими мы славою земной
Делились, под салюты прирастая.
Романовы срубили, будто Ной,
Ковчег Руси от Колы до Китая.
Блистал, как сотня статуй, командор,
В ограду упершись и в шумный берег,
С которого неведомый простор
Руси открыл датчанин Витус Беринг.
Поэт в тот вечер потерял покой
От мыслей нецерковного оттенка,

* Тарас Шевченко по его завещанию перевезён со Смоленского кладбища на берег Днепра в украинском городе Каневе.

Бродя над усыпляющей рекой
По выжившему имени Смоленка.
Листву меняла мыслящая сень
Над лопухом и малахитом бронзы.
А над могилами резная тень
Раскидывала блики, как угрозы.

* * *

Ходили долго слухи по Москве
Про чудное спасенье Алексея.
Чего народ не сочинит в тоске
По сказочной короне Елисея.
Случались самозванцы, что в речах
Поведывали тайные детали.
Шептали о дворцовых калачах,
Которые как будто бы едали.
Вы что хотите, это же ведь Русь;
Единственная, странная до боли.
Я сам лихим пророком становлюсь,
В ней нахлебавшись сызмала юдоли.
Подчас планида царских сыновей
Окутана чудесным ореолом.
Мир вспоминает ласково о ней
Вполголоса задумчивым глаголом.
У каждого найдётся полчаса,
Исчезнувшего в бездне среди туманов.
О сколько раз рыдали небеса,
Что Алексей не царь и не Романов.
Друг с дружкой спорят факты и фольклор –
Где вещее, а где лишь тень лукавства.
Уж по России слышен целый хор
Провидцев, как смутьянов государства.
Народ наш чует жуткие миры,
Что булькают и светят где-то рядом,
Удумывая войны и пиры
Упрямым землепашцам и солдатам.
Всё потому, что понимает толк
И трутнем не купается в сиропе.
Веками будет перед ним клубок
По Азии катиться и Европе.
Чем больше власть похожа на плакат,
Тем ярче люд придумывает сказы.
Жизнь на Руси без солнечных заплат
Погибла б от очередной заразы.
Иль от могущества пустых наук,
Опасных, как набег печенега.
Ни за один окованный сундук
Не купишь тайн заветного ковчега.
Сравнить я с ним дерзаю царский род,
Донёсший крест тяжёлый до Голгофы.
А дальше русский госпереворот
Сам испугался будущей эпохи.

Я думаю, что было б чересчур
Нам повторять ошибки Иудей.
Стране до смерти нужен перекур,
Когда народ так падок на идеи.
Его не стоит обоготворять
В такие неразборчивые годы.
Ведь всё равно Русь возвратится вспять
По мудрому движению природы.
Наследника, как власть не путал бес,
Спасли святыней русского эдема.
За Брестский мир царицу и принцесс
Отдали в руки родича Вильгельма.
А хаты, будто мёртвые тела,
Окоченели на ладонях фрица.
По цвинтарю* российского села
Германская змеилась за граница.
Шепталась, чуя мировой позор,
Империя, припудренная прахом.
И до сих пор секретный договор
Доступен лишь Кремлю и олигархам.
Сам Николай оставлен под залог
Того, что блеском ослепляет троны.
Под Малоярославцем был чертог
Последнего властителя короны.
Пред роком не испытывая страх,
Царь Божьей волею не предал трона.
Пал скипетр из-за магии бумаг
За подписью министра и барона.

.....
*Что либералу родина и честь,
И некая гражданская присяга.
Ему число шестьсот шестьдесят шесть
Даёт все преимущества и блага.
А стоит ли завидовать тому
Владельцу бриллиантов и цветмета,
Кто прямиком отправится во тьму
Со всяческими почестями света.*

.....
С царём не раз встречался дерзкий вождь,
Сломавший у полупланеты выи.
И золотой вдруг проливался дождь
На молодые наши яровые.
Объединял обоих русский путь:
Как общая идея и харизма.
Но не смогла Россия во всю грудь
Вздохнуть и в бурный век социализма.
И только, может быть, потайный царь
И небесами посланный наследник
Следили, чтоб на золотой алтарь
Натянут не был орденский передник.
Владимир Третий раз на Рождество

* Цвинтарь – сельская церковная площадь.

Туда явился, будто отогреться.
В подсвечниках дымилось торжество,
И верилось в спасенье самодержца.

* * *

Хочу, чтоб сей полуволшебный сказ
Чуть прояснил историю и цели.
С чего, к примеру, буйствует Кавказ,
Батальные разыгрывая сцены.
И отчего угрюмый угро-финн
Сбивается в весёлые союзы.
И почему всё больше украин
Под танцы рассыпаются, как бусы.
Коль не бывает дыма без огня
В Отечестве, на горнем закалённом,
Царей всегда небесная броня
Спасает в здешнем и потустороннем.
А что народ? Почёсывая пуп,
Он приручал гомункула коммуны.
И, кутаясь в прокуренный тулуп,
Мечты припрятывал, как жито, в клуни.
Хотел, чтоб жисть его была сладка,
Как с бражкой медовою кандея.
Не говорите, что у мужика
Есть более высокая идея.
Он вкалывал как будто сам не свой,
В наследство оставляя сыну силу.
И если был он всё же крепостной,
То крепость эта сберегла Россию.
Пытался Брежнев разгадать его,
Не разжевав Косыгина задумки.
И улица рабочая Серго
Крестьянские проглатывала улки.
Ларец реформ заржавленным ключом
Открыть пытались с помощью обмана.
Как будто бы премьер был увлечён
Теорией Евсея Либермана*.
А может, сей Евсей политбюро
Насторожил, как капитала призрак.
Тут надо или ставить на зеро,
Иль от реформы оставлять огрызок.

* * *

Философ с ходу наплетёт вам в лад
Про бремя богоносца и лампаду.
Лишь знаю я, что ни один трактат
Крестьянскую не раскумекал правду.

* Евсей Либерман, харьковский учёный, опубликовал в газете «Правда» статью, где внёс в теорию Косыгинских реформ чуждый премьеру принцип рентабельности и прибыли любой ценой. Это, по мнению специалистов, в конце концов повлияло на половинчатость проводимых реформ.

Я всё-таки немного агроном,
Поживший недомолвками общины.
Там каждый дом умён своим умом,
Где собственный и чёрт, и благочинный.
Какого Маркса будет свинопас
Читать под визг и хрюк на перекуре.
Его и в добрый и в недобрый час
Видал, едва вмещающимся в шкуру.
Он радостен и в то же время зол,
Коль нацепил винтовку и шинельку.
И молится в окопах на подзол,
Взрастивший золотую деревеньку.

* * *

Мужик, монетой набивая горб,
Махнул рукой на церковь и на славу.
А царь у подозрительных особ
Выпытывал виденья про державу.
Я думаю, он знал про вариант
Чудесного спасения от черни.
Завод фатально разрушал уклад
К деревне присосавшихся губерний.
Я никакому строю не адепт;
У нас не может быть такого строя,
Чтоб человек был сыт и был одет,
И не буянил возле аналоя.
Царя нездешний ускорялся срок
За счёт скрипящих фронтовых обозов.
У Зимнего опять взводил курок
Изрядно польсевший Каракозов.
В каретах разъезжали двойники,
Деля чужую славу и планиду.
И где-то сохранились дневники
Про русскую живую Атлантиду.

* * *

Зачем надменных родичей Борис
Собрал под марш на царственном погосте.
Теперь наука щупает на бис
Отчаянно прославленные кости.
Виновник сам застрелен на мосту
Меж первыми царями и народом.
У нас злодейство видно за версту
Под русским освящённым небосводом.
В Санкт-Петербурге я видал плиту,
Обрызганную гаубичным эхом.
Великий князь там кончил маету
С самим собою, белыми и рейхом.
А впрочем, всё решат и без меня,
Особенно не выбирая средства.
Идёт великосветская грызня
За самое священное наследство.

Не зря второй по счёту патриарх
Не признаёт монаршие останки.
И церковь тут при всех своих дарах
Ждёт Божий суд, а не от янки бланки.
Читатель волен не поверить в сказ;
Ещё одна, мол, наша одиссея.
А что? Быть может, вот она как раз
Подходит для планиды Алексея.

* * *

Я знаю, будет вновь народ велик
И прирастёт смиренным инородцем.
И в каждом русском отразится лик,
Как звёзды отражаются колодцем.
Ещё, как пар, наш отдыхает грунт
И ожидает звёздного посева.
Жаль, русский плуг не очень берегут
Сиятельства из голубого хлева.
Ещё повсюду зреет колгота,
А в голове хмельные тараканы.
И не поймал судьбину, как крота,
Мужик пока в железные капканы.
Уж так устроен пахарь мой Пахом;
Какой бы ни был он широкоплечий.
Но выгода любая от реформ
Несёт ему духовные увечья.

.....
*Да кто же он – великий тот премьер,
Оставивший в народе недомолвки.
И сделавший родной СССР
Ударным, будто в «Правде» заголовки.*
.....

* * *

Косыгина султаны, короли
Своим считали и по этикету
Беседу уважительно вели,
В виду имея целую планету.
Его дипломатический талант
Служил соседям для смягченья нравов.
В Ташкенте Дели и Исламабад
Он примирил, как ядерных удавов.
Не говорю, похож иль не похож;
Имел ли он наследные болезни.
У нас растёт божественная рожь
В любой, казалось бы, забытой бездне.
Великий Сталин вряд ли без причин
Царевичем порою звал наркома.
И на того за чином быстрый чин
Орлом садился под раскаты грома.
Его к той славе Брежнев ревновал
И маршальские рассыпал упрёки,

Любя простолюдinный карнавал,
Похожий на рабочие маёвки.
Премьер был мудр, как настоящий царь,
И не носил высокие награды.
За что сам генеральный секретарь
Бровями пошевеливал в парады.
Где прямо, там идёт всё вкось и вкривь;
История и книга не сравнимы.
Когда-нибудь так запылит архив,
Что зачихают умные равнины.

* * *

Летит по Питеру его проспект,
В Москве у бюста золотые вспышки.
Молвой народной царский сын воспет,
Спасённый, может быть, молитвой Гришки,
С которым волей Божьей президент
Имеет корни общие фамилий,
Умеющий исчерпать инцидент
Под залпы полигонов и флотилий.
А танковый азартный биатлон
Взят на вооружение бойцами.
И из Сибири первый батальон
С оркестром встречен брянскими Клиндами*.
Там пропитый до плит аэродром
Стройбатом восстановлен за декаду.
Где было войск хоть покати шаром,
Заточат к бою целую бригаду.
Кто нас поймёт, тот в миг с ума сойдёт,
Оторопев от правды и от байки.
Никто не знает, чей придёт черёд,
Когда замолкнут наши балалайки,
В которых ворог хоть одну струну
Порвёт в разгар безумного веселья.
Разбудит он великую страну,
Уткнувшуюся в ядерные перья.
Сверкнёт Жар-птица, разлетится тьма.
И прояснятся головы и бошки.
И выйдет Богородица сама
Из нашей разукрашенной матрёшки.
Взметнётся над Россией синий плат;
Как перед Пасхой, в храмах вспыхнут свечи.
Ни в чём царевич не был виноват,
Заранее намеченный в предтечи.
И по миру раскиданный народ
Господь вернёт под трубный голос МИДа.
Где зеленел цветущей ряской брод,
Всплывёт отеческая Атлантида.

* В мае нынешнего года в пограничный с Украиной город Клинды Брянской области начали перебрасывать из Екатеринбургa подразделения знаменитой 28 мотопехотной бригады. По мнению наблюдателей, передислокация российских войск организована в противовес усилению НАТО на западных рубежах России.

Сто лет назад зверь положил свой глаз
 На царские неведомые слитки.
 Как заблестает золотой запас,
 У мира сразу затрясутся лытки.
 У нас бывали Дмитриии и лже;
 Но не было царей второстепенных.
 России суть – держава на меже
 У древних обитаемых вселенных.
 И потому я верю не во зло,
 А в истину без тени кривотолков.
 И если нас куда-то занесло,
 То не из-за прославленных потомков.
 Ни Библия, ни Тора, ни Коран
 Тут ни при чём, как и другие книги.
 На трон взойдя, очередной тиран
 Уничтожает память, как вериги.
 Усатый вождь, хотя и был таков;
 Как и его разнузданные братья.
 В империю вливал живую кровь
 Романовых, крепя её объятья.
 Мы далеко не знаем всех причуд,
 Мистически нам вылезавших боком.
 Всего не мог учесть тот русский бунт,
 Предсказанный губительным пророком.
 Давно привыкшая шутить с огнём,
 Русь без него, как церковь без лампады.
 И потому при случае кулём
 Мы валим в кучу беды и таланты.

Уж сколь веков не сходится никак
 Житьё-бытьё с церковным идеалом.
 В который раз наш сказочный дурак
 Погнался за дурацким капиталом.
 Куда с испугу ни возьмёшь билет,
 Везде разбой и сладкая отравка.
 И не всегда спасает пистолет
 От полного бесправия и права.
 Обвальню льётся птичье молоко
 От хищницы неведомой породы.
 А дух витает от мадам Коко
 Взамен святого духа и свободы.
 Ежу уже понятно, без царя
 Головушке лихой придётся тяжко.
 А тут ещё такого *крутеля*
 Ей задаёт базарная фуражка.
 Когда свои мы берегли черты,
 Победы ввысь взлетали, как гантели.
 Зачем-то нам начертаны листы,
 Где чётко проступают параллели.

.....
*А что премьер? Да это же пример,
Когда есть Бог, правительство и ложь.
Для всех недостижимых карьер
Веками долгими гуляют дрожжи.*
.....

* * *

Царевич умер, а страна в разнос
Пошла и разбежалась, будто стадо.
И ранее непобедимый росс
Вдруг побеждён был демоном распада.
Как грустно видеть на кладбищах свет,
Который призрачно колеблет грани.
Тревожит вновь наследника портрет,
Сияющий за русскими горами.
Он как частица Бога, как *бозон*,
Имеющий влияние и массу.
Пока похож лишь на волшебный сон,
Являющийся русичу на Пасху.

Вождю всё больше намекает Дом
Романовых на новый свиток славы.
Который век нас мучает синдром
Неполного величия державы.

* * *

Уж близок новый вещей государь
С наследственной памятью короны.
Вновь будут русский восхвалять янтаре
Седые прибалтийские вороны.
Вернутся кахетинское вино
И кутабы бакинские с кинзою.
И в Киеве закрутится кино,
Пропахшее советскою кирзою.
Курс злата иссык-кульского киргиз
Вновь укрепит на банковских батутах
Москвы и вспомнит, что сказал Чингиз
О презираемых в упор манкуртах.
Осыплется, как лист осенний, бакс.
Завянут европейцы и японцы.
И примет в обращение Дамаск
Бессмертные имперские червонцы.

* * *

Под холмиком с крапивой старики,
Святые хранители премьера.
Мне ворошить былое не с руки,
Коль есть всему божественная мера.
Порою много мраморная гладь
Нам говорит о странных играх света.

Простому человеку не понять
Особенности царского портрета.
Недаром Пушкин воспевал Петра
И подвиги лихие Елисея.
Нагрянула заветная пора
Поведать про спасенье Алексея.
Я думаю, его святая кровь
Подпитывает ангельские святцы.
И чую, самый красный из клубков
Недолго будет по миру кататься.
Не всем нам поздоровится, коль царь
Вернётся в золочёные чертоги.
В любой часовне будут петь тропарь
Во славу выстраданной *перемоги*.
В час добрый русский мой пленяет дух
На дерзновенье чудное поэмы.
Коль без России мир на новый круг
Раскручивать не могут и Вильгельмы.
Всё громче русский слышится язык;
Русь – Свет (по разумению санскрита).
Она, как самый полный патерик,
И самая заветная молитва.

* * *

*Я знаю, чем закончится наш век
Немыслимых страданий и исканий,
Когда последний изгнанный абрек
Укроется сирийскими песками.
В Прибалтике грохочет грай ворон,
Из Штатов рвётся клёкот ястребиный.
Царю грядущему готовят трон
Войска Москвы у древней Палестины.
Но прежде чем вернётся Мономах,
Блеснут иные светочи России.
Уж генеральшу нам предрёк монах
С Романовским Крестом Анастасии*.*

* * *

Возможно, я и раздражил гусей;
Да все они в сравнении химера.
Пусть до поры побудет Алексей
Инкогнито, как говорится, терра.

* Речь о бывшей прокуроре Крыма Наталье Поклонской, награждённой Великой княгиней Марией Владимировной Романовой от имени Императорского дома орден Святой Великомученицы Анастасии.